

**Мастерская
УЧИТЕЛЯ**

М. Н. Кузнецова, В. Н. Орлова, Н. А. Песрякова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА

**7–11
КЛАССЫ**

- оригинальные сценарии
- литературные гостиные
- тематические вечера
- спектакли, викторины

Поэзия
Проза
Драматургия

ЛИТЕРАТУРА

Валентина Орлова

Литературные вечера. 7-11 классы

«Научная книга»

Орлова В.

Литературные вечера. 7-11 классы / В. Орлова — «Научная книга»,

В книге «Литературные вечера» собран материал по подготовке внеклассных занятий по литературе. В ней даны оригинальные сценарии, полезный материал для подготовки викторин, любительских спектаклей, литературных гостиных в школе. Книга окажется прекрасным помощником преподавателю русского языка и литературы, а также классному руководителю.

Содержание

1. «В ней есть душа, в ней есть свобода...»	5
2. «Гармонии стиха божественные тайны...»	27
3. «Если душа родилась крылатой...»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

М. Н. Кузнецова, Н. А. Орлова, Н. А. Пестрякова Литературные Вечера

1. «В ней есть душа, в ней есть свобода...» (Времена года в русском искусстве) (7 класс)

Цели ПРОВЕДЕНИЯ:

1. Развитие у учащихся понимания природы как неиссякаемого источника вдохновения.
2. Расширение знаний детей о художественных средствах, с помощью которых литература, живопись и музыка раскрывают образы весны, лета, осени и зимы.
3. Воспитание чувства любви к родной земле, к русской природе.

ОФОРМЛЕНИЕ ВЕЧЕРА

Репродукции картин русских художников – «Большая вода», «Золотая осень» И. Левитана; «Грачи прилетели» А. Саврасова; «Рожь», «Сосны, освещенные солнцем», «Цветы на опушке леса» И. Шишкина; «Осень» В. Поленова; «Февральская лазурь» И. Грабаря; «Березовая роща» А. Куинджи.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- 1) первый ведущий;
- 2) второй ведущий;
- 3) третий ведущий;
- 4) чтецы.

ХОД ВЕЧЕРА

Когда напевают закаты в реке,
И сосны вздыхают, и шепчут кусты,
Кто землю поймет на родном языке?
Кто, если не я?
Кто, если не ты?

Л. Щитахина

(эпиграф пишется на доске или на отдельном плакате)

Первый ведущий:

«Одна из вечных и прекрасных тем мирового искусства – природа. Нет ни одного значительного поэта или художника, душа которого не отзывалась бы на ее красоту. Русская лите-

ратура располагает удивительными образцами пейзажной лирики. Все времена года пройдут перед нами в стихах Пушкина и Есенина, Тютчева и Фета, Бунина, Рыленкова, Пастернака, в рассказах Тургенева и Паустовского, в полотнах Левитана и Поленова, Саврасова и Шишкина, в музыке П. И. Чайковского. „В ней есть душа, в ней есть свобода“, – это сказано о природе. В ней – неиссякаемый источник вдохновения для поэтов, художников, композиторов и, может быть, для нас с вами. Нужно вслушаться и всмотреться...».

Второй ведущий (стихотворение Н. Рыленкова «Все в тающей дымке»):

Все в тающей дымке —
Холмы, перелески...
Здесь краски не яркие
И звуки не резки.

Здесь медленны реки,
Туманны озера,
И все ускользает
От беглого взора.

Здесь мало увидеть,
Здесь надо всмотреться.
Чтоб ясной любовью
Наполнилось сердце.

Здесь мало услышать,
Здесь вслушаться нужно,
Чтоб в душу созвучья
Нахлынули дружно.

Чтоб вдруг отразили
Прозрачные воды
Всю прелесть застенчивой
Русской природы.

Третий ведущий (отрывок из стихотворения С. Черного «Пуща-водица»):

Молча в теплый лес вошел по теплой хвое
И по свежим изумрудам мхов.
На ветвях, впивая солнце огневое,
Зеленели тысячи стихов:
Это были лопнувшие почки,
Гениальные, неписанные строчки...
Пела пеночка.
Бродил в стволах прохладных
Свежий сок и гнал к ветвям весну.
Захотелось трепетно и жадно
Пролететь, взмахнув руками, на сосну
И, дрожа, закрыв глаза, запеть, как птица
Я взмахнул...
Напрасно:

Не летится!

Первый ведущий (*рассказывает о картине И. Левитана «Большая вода»*):

«С природою одною он жизнью дышал» – так определял Левитан назначение художника-пейзажиста. Он умел внимательно и вдумчиво слушать природу, дышать с нею в унисон, нежно и трепетно любил ее. И природа на полотнах художника – живая. Его живопись называют «школой любви к Родине». Всего 40 лет жизнь отпустила Левитану, но он оставил нам на своих полотнах Волгу, Плес, Золотую осень и, конечно, Весну... На картине «Большая вода» перед нами весна. Еще не зазеленели почки, но уже растаял весь снег, и прозрачная, весенняя, голубая вода вышла из берегов и затопила леса и прибрежные деревушки. Эта весна еще не зеленая – она голубая. В прозрачной студеной воде отражаются тонкие, как свечки, стволики берез. Тени деревьев падают на землю и на воду... Весна. Земля пробуждается!

Первый чтец (*стихотворение Ф. Тютчева «Весенние воды»* Фоном звучит музыка С. Рахманинова):

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят шумный берег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой Весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

На выбор учителя: учащиеся читают либо 1–3 стихотворения из предложенных ниже полностью, либо по несколько четверостиший из каждого.

Второй чтец (*стихотворение О. Лебедушкиной «Весна начинается с неба»*):

Весна начинается с неба.
Сначала оно светлеет
И чистой голубизною
Стекает к земле седой.
Вливаясь в застывшие трубы,
В забытых печурках тлеет,
Стучит по земле каплей,
Серебряною водой.

(Весна начинается с криков
Веселых стай воробьиных,
Которые неумолчно,
Взахлеб о весне твердят,
И с радужного сиянья
В сплетении веток длинных,

И с хрупких берез-подростков,
Что встали пугливо в ряд.)

Весна начинается с взглядов,
Оттаявших после стужи.
Весна начинается в сердце,
Где ясная тишина.
А может, ее начало
В той первой, огромной луже?
Не знаю, но всем понятно:
Она началась, весна.

Третий чтец (*Стихотворение А. Майкова «Весна»*):

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница молодая
Мчится с горной вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней – царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь – и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон уж пчел рои шумят,
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

Четвертый чтец (*отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*):

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
(Синея, блещут небеса.

Еще прозрачные, леса

Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.)

Пятый чтец (*Стихотворение А. Фета «Это утро, радость эта»*):

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня, и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод.

Эти ивы и березы,
Эти капли – эти слезы,
Этот пух – не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист.

Эти зори без затмения,
Этот воздух ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все – весна.

Шестой чтец (*стихотворение И. А. Бунина «Бушует полая вода»*):

Бушует полая вода.
Шумит и глухо, и протяжно.
Грачей пролетные стада
Кричат и весело, и важно.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.
<...>

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковое греет
В затишье гумен и дворов.

Первый ведущий (*читает отрывок из произведения И. А. Бунина «Сосед»*):

«Ясный апрельский закат, еще не набитый серый пролесок, весенняя нагота полей, впереди еще голый зеленоватый лес... Возле леса, на жнивье под опушкой, еще тянется длинный островок нечистого и затвердевшего снега. И ярко-голубые подснежники, – самый прелестный, самый милый в мире цветок – пробиваются из коричневой, внизу гниющей, влажной, а сверху сухой листвы, густо покрывающей опушку. Листва шумно шуршит под копытами, когда я въезжаю в лес, и нет ничего радостнее этого напоминания о прошлой осени в соединении с чувством весны... И далеко слышно это шуршание по лесу, еще сквозному, раскрытому, а все-таки уже не зимнему. Лес молчит, но это молчание не прежнее, а живое, ждущее... А под старыми березами, сквозящими своей кружевной наготой на сероватом, но легком и глубоком вечернем небе, уже торчат тугие и острые глянцеви́то-темно-зеленые трубки ландышей».

Второй ведущий (*рассказывает о пьесе П. И Чайковского «Апрель»*):

В декабрьском номере журнала «Нувеллист» за 1875 г. было напечатано сообщение о том, что знаменитый композитор Чайковский обещал в будущем году поместить в журнале целую серию своих фортепьянных композиций, характер которых будет вполне соответствовать как названию пьес, так и впечатлению того месяца, в котором каждая из них появится в журнале. Так родился цикл «Времена года». 12 пьес – 12 месяцев. Эпиграфы к пьесам подбирал сам композитор из стихотворений русских поэтов. В пьесе «Апрель» композитор передает ощущение ожидания весны – радостное, трепетное, устремленное навстречу солнцу, надеждам и счастью.

Седьмой чтец (*стихотворение Д. Самойлова «Была туманная луна», фоном звучит «Апрель» П. И. Чайковского*):

Была туманная луна,
И были нежные березы...
О, март-апрель, какие слезы!
Во сне какие имена!

Как корочку, хрустящий след
Жуют рассветные морозы...
О, март-апрель, какие слезы —
Причины и названья нет!

<...>

Вдали, за гранью голубой,
Гудят в тумане тепловозы...
О, март-апрель, какие слезы!
О, чем ты плачешь? Что с тобой?

Третий ведущий (*рассказывает о картине А. К. Саврасова «Грачи прилетели»*):

Создатель русского пейзажа – Саврасов, проживший тяжелую и трагическую жизнь, оставил нам в наследство бесценный подарок – картину «Грачи прилетели». Сколько веков грачи суетливо вили гнезда над жильем человека. Сколько веков хлопали рамы окон, и радостные голоса неслись вдоль улиц: «Смотрите! Весна! Грачи прилетели!». Однако только Саврасов открыл для этих весенних птиц, словно створку окна, раму своей картины. Картина обошла всю Россию в гравюрах, фотографиях, цветных копиях...

...На окраине маленького селения возвышается шатровая колокольня. К светло-голубому, с высокими облаками небу тянутся еще голые, но уже вострепёнувшиеся ветки берез. Лед

на пруду растаял, снег стал хрупким. На деревья с шумом опускается стая грачей. На глазах у зрителя происходит чудо – рождается весна.

Восьмой чтец (стихотворение Н. Заболоцкого «Весна в лесу»):

Каждый день на косогоре я
Пропадаю, милый друг,
Вешних дней лаборатория
Расположена вокруг.

В каждом маленьком растении,
Словно в колбочке живой,
Влага солнечная пенится
И кипит сама собой.

Эти колбочки исследовав,
Словно химик или врач,
В длинных перьях фиолетовых
По дороге ходит грач.

Он штудировать внимательно
По тетрадке свой урок
И больших червей питательных
Собирает детям впрок.
<...>

И над песнями, над плясками
В эту пору каждый миг,
Населяя землю сказками,
Пламенеет солнца лик.

(Звучит музыка П. И. Чайковского «Июнь»)

Второй ведущий (отрывок из произведения И. А. Бунина «Первая любовь»):

«Лето, именно в лесном западном краю. Весь день проливной свежий дождь, его сплошной шум по тесовой крыше. В притихшем доме сумрак, скучно.... В саду покорно никнут под водяной бегущей сетью мокрые деревья, красные цветники у балкона необыкновенно яркие. Над садом, в дымном небе, тревожно торчит аист: почерневший, похудевший, с подогнутым хвостом и обвислой косицей, <...>, негодуя, волнуясь, подпрыгивая, крепко, деревянно стучит клювом: что же это такое, потоп, настоящий потоп! Но вот, часа в четыре, дождь светлей, реже. Ставят самовар в сенцах – бальзамический запах дыма стелется по всей усадьбе. А к закату совсем чисто, тишина, успокоенье... Уже синеев вечер. <...> Бор душист, сыр и гулок: чей-то дальний голос, чей-то протяжный зов или отклик долго отдается в самых дальних чашах. Пресеки кажутся узки, пролеты их стройны, бесконечны, уводят своей вечерней далью. Бор вдоль них величаво громаден, стоит темно, тесно; мачты его в верхушках голы, гладки, красны; ниже они серы, корявы, мшисты, сливаются друг с другом: там мхи, лишай, сучья в гнили и еще в чем-то, что висит подобно зеленоватым космам сказочных лесных чудищ, образуют дебри, некую дику русскую древность. А пока выходишь на поляну, радуется юная сосновая поросль: она прелестного бледного тона, зелени нежной, болотной, легка, но крепка и ветвиста; вся еще в брызгах и мелкой водяной пыли, она стоит как бы под серебристой кисеей в блестках».

На выбор учителя: учащиеся читают либо 1–3 стихотворения из предложенных ниже полностью, либо по несколько четверостиший из каждого.

Девятый чтец (стихотворение Б. Пастернака «Июль»):

По дому бродит привиденье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой.

(Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате крадется к кровати,
Срывает скатерть со стола.

Ног у порога не обтерши,
Вбегает в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.)

Кто этот баловник – невежа
И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник-отпускник.

На весь его недолгий роздых
Мы целый дом ему сдаем.
Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаем.

Июль, таскающий в одеже
Пух одуванчиков, лопух,
Июль, домой сквозь окна входящий,
Все громко говорящий вслух.

Степной нечесаный растреп,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.

Десятый чтец (стихотворение И. С. Никитина «Утро на берегу озера»):

Ясно утро. Тихо веет теплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленеет, в зареве восток.
Окаймленное кустами молодых раkit,
Разноцветными огнями озеро блестит.

Тишине и солнцу радо, по равнине вод
Лебедей ручное стадо медленно плывет;
Вот один взмахнул лениво крыльями – и вдруг

Влага брызнула игриво жемчугом вокруг.

Одиннадцатый чтец (стихотворение И. А. Бунина «Из окна»):

Ветви кедра – вышивки зеленым
Темным плюшем, свежим и густым,
А за плюшем кедра, за балконом —
Сад прозрачный, легкий, точно дым:

Яблони и сизые дорожки,
Изумрудно-яркая трава,
На березах – серые сережки
И ветвей плакучих кружева,

А на кленах – дымчато-сквозная
С золотыми мушками вуаль,
А за ней – долинная, лесная,
Голубая, тающая даль.

Двенадцатый чтец (стихотворение И. А. Бунина «Детство»):

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

(Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок – как шелк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол – гигант, тяжелый, величавый.)

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

Тринадцатый чтец (стихотворение А. Фета «Зреет рожь над жаркой нивой»):

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

(Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.)

Над безбрежной жатвой хлеба

Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Третий ведущий (рассказывает о картине И. И. Шишкина «Рожь»):

Картина Шишкина «Рожь» – вся светлая, золотая и голубая. Ее содержание передают слова самого художника, торопливо записанные им однажды на одном из рисунков: «Раздолье. Простор. Угожье, рожь. Божья благодать. Русское богатство...» Жаркий летний день. В воздухе чувствуется приближение грозы. Ласточки летают над самой дорогой. И до горизонта простирается под голубым небом золотое море ржи. Людей на картине нет. Однако это человек вырастил рожь, колеса его повозки выбили на дороге колею, это он вырубил сосновый бор. Но не поднялась рука до конца загубить могучую красоту: возвышаются среди ржи, до самого горизонта, вековые сосны. Если мы посмотрим на эти удивительно красивые деревья, на сосны, освещенные солнцем, на цветы на опушке леса, то, наверное, поймем, почему Шишкина называли единственным настоящим знатоком и рисовальщиком русского леса.

Четырнадцатый чтец (стихотворение А. Прокофьева «Нынче удались цветы повсюду»):

Нынче удались цветы повсюду,
Вволю им дано покрасоваться.
Я смотрю на землю, как на чудо,
Просто не могу налюбоваться.

Все в цветах! Везде я их встречаю,
Даже пробиваются как, слышу.
Куст какой-то смелый иван-чая
Смотрит на собратьев прямо с крыши.

Вот раскрылся лютик милый-милый,
А на холм, где расцвела ромашка,
Где калина руки заломила,
Вышел клевер в розовой рубашке!

На выбор учителя: звучит одно из двух предложенных ниже стихотворений.

Пятнадцатый чтец (стихотворение С. Кирсанова «Дождь»):

Зашумел сад, и грибной дождь застучал в лист,
Вскоре стал мир, как Эдем, свеж и опять чист.

И глядит луч из седых туч в зеркала луж —
Как растет ель, как жужжит шмель, как блестит уж.

О, грибной дождь, протяни вниз хрустальную нить,
Все кусты ждут – дай ветвям жить, дай цветам пить.

Приложи к ним световой луч, миллион линз,
Загляни в грунт, в корешки трав, разгляди жизнь.

Загляни, луч, и в мою глубь, объясни – как

Смыть с души пыль, напоить сушь, прояснить мрак?

Но прошел дождь, и ушел в лес гроыхать гром,
И, в слезах весь, из окна в даль смотрит мой дом.

Шестнадцатый чтец (стихотворение И. А. Бунина «Как дымкой, даль полей закрыв на полчаса»):

Как дымкой, даль полей закрыв на полчаса,
Прошел внезапный дождь косыми полосами —
И снова глубоко синеют небеса
Над освеженными лесами.

Тепло и влажный блеск. Запахли медом ржи,
На солнце бархатом пшеницы отливают,
И в зелени ветвей, в березах у межи,
Беспечно иволги болтают.

И весел звучный лес, и ветер меж берез
Уж веет ласково, а белые березы
Роняют тихий дождь своих алмазных слез
И улыбаются сквозь слезы.

Первый ведущий (отрывок из произведения И. С. Тургенева «Затишье»):

«...Над самой кручью широкого оврага находился небольшой березовый „заказ“. Молодые деревья росли очень тесно, ничей топор еще не коснулся до их стройных стволов <...>. Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильным, хотя и не ярким светом; везде блестяли росинки, кое-где внезапно загорались и рдели крупные капли; все дышало свежестью, жизнью и той невинной торжественностью первых мгновений утра, когда все уже так светло и еще так безмолвно. Только и слышались, то рассыпчатые голоса жаворонков над отдаленными полями, да в самой роще две-три птички, не торопясь, выводили свои коротенькие коленца и словно прислушивались потом, как это у них вышло. От мокрой земли пахло здоровым, крепким запахом, чистый, легкий воздух переливался прохладными струями. Утром, славным летним утром веяло от всего, все глядело и улыбалось утром, точно румяное, только что вымытое личико проснувшегося ребенка».

(Звучит музыка П. И. Чайковского «Осенняя песня»)

Второй ведущий:

В певучей мелодии «Осенней песни» Чайковского – расставание с уходящим летом, сожаление об увядающей природе.

Октябрь серебристо-ореховый,
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

На выбор учителя: учащиеся читают либо 1–3 стихотворения из предложенных ниже полностью, либо по несколько четверостиший из каждого.

Первый чтец (стихотворение А. Дементьева «Нет ничего прекрасней русской осени»):

Нет ничего прекрасней русской осени,
Когда сентябрь и солнечен, и тих.
Давно скворцы свои дома забросили
И где-то с грустью вспоминают их.

Проходит снова осень по земле.
Кружатся листья, как воспоминанья.
Как искры в остывающей золе,
Мерцают звезды... Вечно их мерцанье.

Но все пройдет – жалей иль не жалей.
Все превратится в памятную небыль:
И этот свет, и золото полей,
И тишина покинутого неба.

По синей речке барабанит дождь.
И в стаю сбились лодки на причале.
И только лес божественно хорош
В цветах любви, надежды и печали.

Второй чтец (стихотворение И. А. Бунина «Листопад»):

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.

Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

Третий чтец (стихотворение Е. Бочковской «Художница-осень»):

Художница-осень взмахнула кистью.
Желтым обрызгала легкие листья,
Небо пронзила сизо-лиловым,
Речку покрыла лаком свинцовым,

Из пестрых, узорчатых листьев клена
Ковер расстелила на фоне зеленом.
Зеленые сосны, зеленые ели,

С легким, пьянящим запахом прели...

На шаг отошла, прищурила глаз,
По веткам кармином прошла еще раз.
Тихо, красиво и грустно немножко.
Шуршит, и шуршит, и шуршит на дорожке...

Солнце скупое дарит лучи.
Осень. На юг улетели грачи.

Четвертый чтец (*стихотворение Ф. И. Тютчева «Есть в осени первоначальной»*):

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все – простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.)

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Пятый чтец (*из стихотворения А. С. Пушкина «Осень»*):

Октябрь уж наступил – уж роща отрясает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает,
Журча, еще бежит за мельницу ручей,

Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезд поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.)

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,

В их сениях ветра шум и свежее дыханье,

И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

Шестой чтец (*стихотворение Б. Пастернака «Золотая осень»*):

Осень. Сказочный чертог, всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог, заглядевшихся в озера.
Как на выставке картин: залы, залы, залы, залы
Вязов, ясеней, осин в позолоте небывалой

(Липы – обруч золотой – как венец на новобрачной.
Лик березы – под фатой подвенечной и прозрачной.
Погребенная земля под листвою в канавах, ямах.
В желтых кленах флигеля, словно в золоченых рамах.

Где деревья в сентябре на заре стоят попарно,
И закат на их коре оставляет след янтарный.
Где нельзя ступить в овраг, чтоб не стало всем известно:
Так бушует, что ни шаг, под ногами лист древесный.)

Где звучит в конце аллеи эхо у крутого спуска
И зари вишневый клей застывает в виде сгустка.
Осень. Древний уголок старых книг, одежд, оружия,
Где сокровищ каталог перелистывает стужа.

Третий ведущий (*рассказывает о картине И. Левитана «Золотая осень»*):

Левитан так же, как Пушкин, Тютчев и многие другие поэты и художники, ждал осени как самого дорогого и мимолетного времени года. Осень снимала с лесов, с полей, со всей природы густые цвета, смывала дождями зелень. Рощи делались сквозными. Темные краски лета сменялись золотом, пурпуром и серебром. Воздух делался чище, холоднее, и дали становились гораздо глубже, чем летом. Осень на картинах Левитана очень разнообразна. Он оставил около ста «осенних картин», самая знаменитая из которых – «Золотая осень».

Седьмой чтец (*стихотворение С. Есенина «Отговорила роща золотая»*) (*по желанию учителя можно прослушать запись одноименного романса на музыку Г. Пономаренко*):

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль,
Я полон дум о юности веселой,

Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком...

На выбор учителя: учащиеся читают либо 1–3 стихотворения из предложенных ниже полностью, либо по несколько четверостиший из каждого.

Восьмой чтец (стихотворение О. Лебедушкиной «Листопад»):

Ты оторвись от возвышенных истин
И перед осенней землею склонись...
Слышишь, шуршит? Это падают листья,
Падают желтыми лицами вниз.

(Падают листья. Как память, как мысли,
Неторопливо, светлы и легки.
С веток кленовых лазурные выси
Льются в холодные воды реки.

Так же и листья текут на дорогу
С песней последней о прошлом тепле.
И обретают покой понемногу,
Желтой щекою прижавшись к земле.)

Девятый чтец (стихотворение Э. Багрицкого «Литавры лебедей замолкли вдалеке»):

Литавры лебедей замолкли вдалеке,
Затихли журавли за топкими лугами,
Лишь ястреба кружат над рыжими стогами,
Да осень шелестит в прибрежном тростнике.

(На сломанных плетнях завился дикий хмель,
И никнет яблоня, и утром пахнет слива,
В веселых кабачках разлито в бочки пиво,
И в тихой мгле полей, дрожа, звучит свирель.

Над прудом облака жемчужны и легки,

На западе огни прозрачны и лиловы,
Запрятавшись в кусты, мальчишки-птицеловы
В тени зеленых хвой расставили силки...)

Десятый чтец (стихотворение С. Есенина «Осень»):

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень – рыжая кобыла – чешет гриву,
Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным.
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримо Христу.

Одиннадцатый чтец (стихотворение Д. Кедрина «Осенняя песня»):

Улетают птицы за море,
Миновало время жать,
На холодном сером мраморе
Листья желтые лежат.

Солнце спряталось за ситцевой
Занавескою небес,
Черно-бурю лисицей
Под горой улегся лес.

(По воздушной легкой лесенке
Опустился и повис
Над окном – ненастья вестником —
Паучок-парашютист.)

В эту ночь по кровлям тесаным,
В трубах песни заводя,
Заскребутся духи осени,
Стукнут пальчики дождя.

(В сад, покрытый ржавой влагою,
Завтра утром выйдешь ты
И увидишь за ночь наголо
Облетевшие цветы.

На листве рябин продрогнувших
Заблестит холодный пот.
Дождик, серый, как воробышек,
Их по ягодке сключет.)

Двенадцатый чтец (стихотворение Н. Рыленкова «Осенние октавы»)

(Всему свой срок. В полях и на опушке,
Везде, где собирается народ,
Весна поет частушки-коротушки,
А лето песню долгую ведет.
Но вот страда окончилась. Подружки
Секретничают скромно у ворот,
А у меня, под мягкий шум отавы,
Слагаются осенние октавы.

Калина рдеет, вспоминая грозы,
Подсохшим хмелем пахнет тишина.
Мне прямо в душу льется свет березы.
И вся душа озарена до дна.)
...Кто говорит, что осень – время прозы?
Нет, учит нас поэзии она!
Не ею ли нам заново открыто,
Что в шуме гроз когда-то пережито?

(Бывает так, что осенью погожей
Вдруг зацветает яблоня в саду,
Но цвет ее, во всем с весенним схожий,
Уже сулит не радость, а беду.
И хмурит брови садовод все строже,
Снимая с ветки робкую звезду,
Ведь это неурочное цветенье —
Души теплом обманутой смятенье.)

Помедли, осень, на опушке года —
С походкой мягкой рыжая лиса.
Пусть скупое светит солнце с небосвода,
Зато сияют рощи и леса.
В такую пору мудрая природа
Нам в буднях открывает чудеса,
Чтоб мы верней ценили год от году
Проникновенной осени погоду.

(Коль в пору сжаты жито и пшеница,
Коль у двора и в поле – все в кругу,
Пусть тепло уносят к югу птицы
Сквозь листопада желтую пургу.
Лишь тот осенних непогод боится,
Кто у весны и лета был в долгу,
Кто самому себе сказать не может,
Что день минувший не напрасно прожит.)

Первый ведущий (отрывок из произведения К. Паустовского «Наедине с осенью»):

«Сейчас я подумал, что шедевры существуют не только в искусстве, но и в природе. Разве не шедевр этот крик журавлей и их величавый перелет по неизменным в течение многих тыся-

челетий воздушным дорогам? <...>Да что говорить! Каждый осенний лист был шедевром, тончайшим слитком из золота и бронзы, обрызганным киноварью и чернью. Каждый лист был совершенным творением природы, произведением ее таинственного искусства, недоступного нам, людям. Этим искусством уверенно владела только она, только природа, равнодушная к нашим восторгам и похвалам. Я пишу все это осенней ночью. Осени за окном не видно, она залита тьмой. Но стоит выйти на крыльцо, как осень окружит тебя и начнет настойчиво дышать в лицо холодновою свежестью своих загадочных черных пространств, горьким запахом первого тонкого льда, сковавшего к ночи неподвижные воды, начнет перешептываться с последней листвой, облетающей непрерывно и днем, и ночью. <...>И все это покажется вам великим шедевром природы, целебным подарком, напоминающим, что жизнь вокруг полна значения и смысла».

Тринадцатый чтец (стихотворение Д. Кедрина «Скинуло кафтан зеленый лето»):

Скинуло кафтан зеленый лето,
Отсвистели жаворонки всласть.
Осень, в шубу желтую одета,
По лесам с метелкою прошла,

Чтоб вошла рачительной хозяйкой
В снежные лесные терема
Щеголиха в белой разлетаке —
Русская румяная зима!

Второй ведущий (отрывок из произведения К. Паустовского «Прощание с летом»):

«Несколько дней лил, не переставая, холодный дождь. В саду шумел мокрый ветер. В четыре часа дня мы уже зажигали керосиновые лампы, и невольно казалось, что лето окончилось навсегда и земля уходит все дальше и дальше в глухие туманы, в неуютную темень и стужу. Был конец ноября – самое грустное время в деревне. <...>Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне.... За стенами дома наступила необыкновенная тишина. Такую тишину называют „мертвой“. Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад. Я открыл глаза. Белый и ровный свет наполнял комнату. Я встал и подошел к окну – за стеклами все было снежно и безмолвно. <...>Через окно я увидел, как большая серая птица села на ветку клена в саду. Ветка закачалась, с нее посыпался снег. Птица медленно поднялась и улетела, а снег все сыпался, как стеклянный дождь, падающий с елки. Потом снова все стихло. ... Земля была нарядная, похожая на застенчивую невесту. А утром все хрустело вокруг: подмерзшие дороги, листья на крыльце, черные стебли крапивы, торчавшие из-под снега...».

На выбор учителя: учащиеся читают либо 1–2 стихотворения из предложенных ниже полностью, либо по несколько четверостиший из каждого.

Четырнадцатый чтец (стихотворение Н. Рыленкова «У наших зим – особенная прелесть»):

У наших зим – особенная прелесть:
Под вечер успокоится пурга
И хлынет свет, как будто загорелись
Закатом подоженные снега.

Сидит ворона на дубу жар-птицей,
Стоят оградой терема леса,

И кажется: вот-вот начнут твориться,
Как в мудрой русской сказке чудеса.

Пятнадцатый чтец (*стихотворение Н. А. Некрасова «Мороз-воевода»*):

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет – по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде...

(...Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет...)

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю мосты изо льда.

Задумаю – реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли...

...Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро...)

Шестнадцатый чтец (стихотворение Ф. И. Тютчева «Чародейкою зимою»):

Чародейкою зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

(И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой.

Солнце зимнее ли мечет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет.
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.)

Третий ведущий (рассказывает о картине И. Грабаря «Февральская лазурь»):

На пейзаже известного русского художника И. Э. Грабаря снег искрится и переливается под солнцем, тени яркие, цветные. Деревья, пронизанные солнцем, как бы закружились в его лучах в хороводе. Настоящий праздник лазоревого неба и жемчужных берез!

(стихотворение С. Есенина «Береза»):

Белая береза под моим окном
Принакрылась снегом, точно серебром.
На пушистых ветках снежною каймой
Распустились кисти белой бахромой.

И стоит береза в сонной тишине,
И горят снежинки в золотом огне.
А заря, лениво обходя кругом,
Обсыпает ветки новым серебром.

(Звучит музыка П. И. Чайковского «Январь»)

На выбор учителя: учащиеся читают либо 1–2 стихотворения из предложенных ниже полностью, либо по несколько четверостиший из каждого.

Первый чтец (стихотворение С. Есенина «Разгулялась вьюга, наклонились ели»):

Разгулялась вьюга, наклонились ели
До земли. С испуга ставни закрипели.
И в окно снежинки мотыльками бьются,
Тают, и слезинки вниз по стеклам льются.

Жалобу кому-то ветер шлет на что-то
И бушует люто: не услышал кто-то.

А снежинок стая все в окно стучится
И слезами, тая, по стеклу струится.

Второй чтец (*стихотворение Б. Пастернака «Снег идет»*):

Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.

Снег идет, и все в смятенье,
Все пускается в полет, —
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.

(Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.)

Третий чтец (*стихотворение А. Межирова «Тишайший снегопад»*):

Тишайший снегопад – дверьми обидно хлопать.
Посередине дня в столице, как в селе.
Тишайший снегопад, закутавшийся в хлопья,
В обувке пуховой проходит по земле.

(Он формами дворов на кубы перерезан,
Он конусами встал на площадных кругах,
Он тучами рожден, он окружен железом, —
И все-таки он кот в пуховых сапогах.

Штандарты на древках, как паруса при штиле.
Тишайший снегопад посередине дня.
И я, противник од, пишу в высоком стиле,
И тает первый снег на сердце у меня.)

Четвертый чтец (*стихотворение И. А. Бунина «На окне, серебряном от инея»*):

На окне, серебряном от инея,
За ночь хризантемы расцвели.
В верхних стеклах – небо ярко-синее.
И застреха в снеговой пыли.

Всходит солнце, бодрое от холода,
Золотится отблеском окно.
Утро тихо, радостно и молодо.
Белым снегом все запушено.

(И все утро яркие и чистые
Буду видеть краски в вышине,
И до полдня будут серебристые
Хризантемы на моем окне.)

Первый ведущий (*стихотворение Н. Рыленкова «Все богатства русского пейзажа»*):

Все богатства русского пейзажа
В полное владенье нам даны:
Вьюжных зим серебряная пряжа,
Кружева зеленые весны.

Летний полдень в поволоке зноя,
Вечер, заглядевшийся в ручей,
Узорочье луговин цветное,
Теплый воск желтеющих полей.

Расписные крылья листопада
Над бездонной синевой озер.
Все это твое, и сердце радо
Целый мир влюбить в родной простор.

2. «Гармонии стиха божественные тайны...» (Западноевропейский сонет эпохи средневековья и Возрождения) (8 Класс)

Цели ПРОВЕДЕНИЯ:

1) ознакомление учащихся с такой поэтической формой, как сонет, его художественными возможностями, его тайной и магией;

2) расширение знаний детей о судьбе и творчестве великих мастеров сонета: Данте, Петрарки и Шекспира, знакомство с произведениями о них поэтов XX в.;

3) воспитание чувств на примере историй любви Данте и Беатриче, Петрарки и Лауры, Шекспира и его «Смуглой леди».

Вечер, посвященный сонетам, предпочтительно проводить в содружестве с учителями иностранных языков. Ряд сонетов Шекспира необходимо прочесть на английском. Если есть возможность, некоторые сонеты Данте и Петрарки следует читать на итальянском языке.

ОФОРМЛЕНИЕ ВЕЧЕРА

Портреты Данте, Петрарки, Шекспира; репродукции картин художников эпохи Возрождения – «Джоконда», «Джиневраден Бенчи» Леонардо да Винчи; «Женский портрет» Лукаса Кранаха; «Портрет молодой женщины» Доменико Венециано; «Портрет Симонетты Веспуччи», «Весна» (фрагмент), «Мадонна с гранатом», «Мадонна Магнификат» Сандро Боттичели. Для создания романтической атмосферы во время чтения сонетов можно гасить свет и зажигать несколько свечей по возможности в красивых подсвечниках.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- 1) первый ведущий;
- 2) второй ведущий;
- 3) чтецы.

ХОД ВЕЧЕРА

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета...

А. С. Пушкин.

(эпиграф пишется на доске или на отдельном плакате)

Первый ведущий:

Во все времена пером стихотворцев руководило желание выразить свои чувства, поведать сокровенные тайны сердца. Кто из поэтов прошлого не писал о любви?.. И у кого из них не

было реальной «музы», женщины-вдохновительницы, которой они посвящали свои любовные гимны. Поэты издавна с благоговением относились к женщине. Вознося ее на пьедестал, они возлагали к его подножию стихи, в которых звучали их тайные думы и пыл возвышенной души.

Одним из самых изящных способов «сердцу высказать себя» стал сонет. Сонеты Данте, Петрарки, Шекспира известны всему миру. Сегодня у нас есть возможность войти в этот мир высоких чувств, волшебных звуков, изящных поэтических форм, попытаться понять тайну сонета.

Второй ведущий:

Открываю страничку – и попадаю в таинственную страну четырнадцати строк. В чем их тайна? Может, в магическом числе? Но нет, наверное, в самом авторе. Ведь в них – все его чувства, настроение, его любовь, его душа. Сонет всегда готов раскрыть свои объятия и унести вас на крыльях двух катренов и двух терцетов в царство вдохновения и возвышенных чувств.

(Звучит музыка К. В. Глюка «Мелодия» из оперы «Орфей и Эвридика»)

Первый ведущий:

Данте и Беатриче... Вряд ли в истории можно найти другой столь яркий пример пламенной и совершенной любви. Данте впервые увидел Беатриче девочкой девяти лет от роду. Она была одета «в благороднейший кроваво-красный цвет, скромный и благопристойный, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту». В самой сокровенной глубине сердца будущего поэта родилось первое неосознанное чувство. Это чувство стало тайной его жизни.

Первый чтец (часть I стихотворения Н. Гумилева «Беатриче»):

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте.
Или сыграйте на флейте.
<...>

Жил беспокойный художник
В мире лукавых обличий.
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете-брильянте
Странную тайну отметьте.
Спойте мне песню о Данте...

Второй ведущий:

Прошло девять лет со дня первой встречи. И вот перед взором Данте, уже юноши, снова предстала Беатриче, «облаченная в одежды ослепительно белого цвета». Беатриче заметила юношу, улыбнулась и поклонилась ему. Какую бурю вызвало это в душе влюбленного! «Проявляя, она обратила очи в ту сторону, где я пребывал в смущении... Она столь доброжелательно приветствовала меня, что мне казалось – я вижу все грани блаженства... Когда я услышал ее

сладостное приветствие... я преисполнился такой радостью, что, как опьяненный, удалился от людей», – пишет он. Начались настоящие муки любви. И тогда он обратился к поэзии.

На выбор учителя: учащиеся читают 2–3 сонета из предложенных ниже.

Второй чтец:

В ее очах Амура откровенье.
Преображает всех ее привет.
Там, где проходит, каждый смотрит вслед;
Ее поклон – земным благословенье.
Рождает он в сердцах благоговенье.
Вздыхает грешник, шепчет он обет.
Гордыню, гнев ее изгонит свет;
О, дамы, ей мы воздадим хваленье.
Смиренномудрие ее словам
Присуще, и сердца она врачует.
Блажен ее предвозвестивший путь.
Когда же улыбается чуть-чуть,
Не выразить души. Душа ликует:
«Вот чудо новое явилось вам!».

Третий чтец:

«Лишь о любви все мысли говорят
И столь они во мне разнообразны,
Что, вот одни отвергли все соблазны,
Другие пламенем ее горят.
Окрылены надеждою, парят.
В слезах исходят горести и, праздны,
Дрожащие, они в одном согласны —
О милости испуганно творят.
Что выбрать мне? Как выйти из пустыни?
Хочу сказать, не знаю, что сказать.
Блуждает разум, не находит слова,
Но чтобы мысли стали стройны снова,
Защиту должен я, смирясь, искать
У Милосердия, моей врагини.

Четвертый чтец:

С другими дамами вы надо мной
Смеетесь, но неведома вам сила,
Что скорбный облик мой преобразила:
Я поражен был вашею красой.
О, если б знали, мукою какой
Томлюсь, меня бы жалость посетила.
Амур, склонясь над вами, как светило,
Все ослепляет; властною рукой
Смущенных духов моего сознанья
Огнем сжигает он иль гонит прочь;

И вас один тогда я созерцаю.
И необъятный облик принимаю,
Но слышу я – кто может мне помочь? —
Изгнанников измученных рыдания.

Пятый чтец:

Я часто думал, скорбью утомленный,
Что мрачен я не по своей вине.
Себя жалел, пылая, как в огне;
Твердил: „Так не страдал еще влюбленный!“
О, сколько раз, неожиданно осажденный
Жестоким богом, в сердца глубине
Я чувствовал, что дух один во мне
Еще живет, любовью озаренный.
Стремился вновь волнения узнать
В моем бессилье и в изнеможенье.
Чтоб исцелиться, к вам я шел, спеша,
Осмеливаясь робкий взгляд поднять,
Я чувствовал такое сотрясение,
Что мнилось мне – из жил бежит душа.

Шестой чтец:

Постигнет совершенное спасенье
Тот, кто ее в кругу увидит дам.
Пусть воздадут творцу благодаренье
Все сопричастные ее путям.
Ты видишь добродетели явленья
В ее красе, и зависть по следам
Мадонны не идет, но восхищенье
Сопутствует ее святым вестям.
Ее смирение мир преобразило.
И похвалу все спутницы приемлют,
Постигнув свет сердечной глубины,
И вспомнив то, что смертных поразило
В ее делах, высоким чувствам внемлют,
Вздыхать от сладости любви должны».

Первый ведущий:

Беатриче была мечтой, идеалом жизни, светочем на скорбном пути поэта. В заключение своей книги «Новая жизнь» он обещает еще больше прославить «благороднейшую»: «Если жизнь моя продлится еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине. И пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, прискорбно блаженной Беатриче, созерцающей в славе своей лик того, кто благословен во веки веков».

На выбор учителя: учащиеся читают 2–3 сонета из предложенных ниже.

Седьмой чтец:

Пусть скорбь моя звучит в моем привет;
Так благородным надлежит сердцам.
Мой каждый вздох спешит навстречу к вам.
Как жить, не воздыхая, мне на свете!
Глаза мои передо мной в ответе —
Я лил бы слезы чаще, знаю сам.
Оплакиваю лучшую из дам,
Чтоб душу в грустном облегчить сонете.
И призывают часто воздыханья
Ту, что в чертог небесный отошла,
В высокие небесные селенья,
Чтобы презрела мирские все дела
Моя душа в объятиях страданья,
Лишенная блаженства и спасенья.

Восьмой чтец:

Любимой очи излучают свет
Настолько благородный, что пред ними
Предметы все становятся иными,
И описать нельзя такой предмет.
Увижу очи эти, и в ответ
Твержу, дрожа, повергнут в ужас ими:
«Отныне им не встретиться с моими!»,
Но вскоре забываю свой обет;
И вновь иду, внушая виноватым
Моим глазам уверенность, туда,
Где побежден, но их, увы, закрою
От страха там, где тает без следа
Желание, что служит им вожатым,
Решать Амуру, как же быть со мною.

Девятый чтец:

За сферою предельного движенья
Мой взор летит в сияющий чертог.
И в сердце скорбь любви лелеет бог
Для нового вселенной разуменья.
И, достигая область вожделенья,
Дух-пилигрим во славе видеть мог
Покинувшую плен земных тревог,
Достойную похвал и удивленья.
Не понял я, что он тогда сказал,
Столь утонченны, скрытны были речи
В печальном сердце, помыслы благие
В моей душе скорбящей вызывал.
Но Беатриче – в небесах далече —
Я слышал имя, дамы дорогие.

Второй ведущий:

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятие,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть.
Но босой, в рубашке покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, нежной, долгожданной...

Первый ведущий:

Так писала о Данте А. Ахматова. Фигура Данте, величественная и суровая, его личность, его творчество всегда привлекали самых разных поэтов. Если сложить все написанное о нем, действительно получится торжественная песнь, в которой звучат ноты удивления, поклонения, восхищения. В 1965 г. Ахматова выступила со «словом Данте», посвященным 700-летию со дня рождения поэта: «Для моих друзей и современников величайшим, недостижимым учителем всегда был суровый Алигьери: Гвельфы и гибеллины давно стали достоянием истории, белые и черные – тоже, а явление Беатриче в XXX песни „Чистилища“ – это явление навеки, и до сих пор перед всем миром она стоит под белым покрывалом, подпоясанная оливковой ветвью в платье цвета живого огня и в зеленом плаще».

Второй ведущий:

Почти всегда вместе с именем Данте Алигьери мы произносим имя его младшего современника Франческо Петрарки. «Коли ты услышишь что-нибудь обо мне – хотя и сомнительно, чтобы мое ничтожное и темное имя проникло далеко сквозь пространство и время, – тогда, быть может, ты пожелаешь узнать, что за человек я был, и какова была судьба моих сочинений, особенно тех, о которых молва или хотя бы слабый слух дошел до тебя». Так писал Петрарка в «Письме к Потомкам». Но не слабый слух, а сильный и вдохновенный голос поэта дошел до нас и донес его раздумья, чувства, имя его возлюбленной – Лаура, точную дату их первой встречи в Авиньонской церкви Святой Клары – 6 апреля 1327 г.

Десятый чтец:

Был день, в который, по Творцу Вселенной
Скорбя, померкло Солнце... Луч огня
Из ваших глаз врасплох настиг меня:
О, госпожа, я стал их узник пленный!
Гадал ли я, чтоб в оный день священный
Была потребна крепкая броня
От нежных стрел? Что скорбь страстного дня
С тех пор в душе пребудет неизменной?
Был рад стрелок! Открыл чрез ясный взгляд
Я к сердцу дверь – беспечен, безоружен:
Ах! Ныне слезы лью из этих врат.
Но честь ли богу – влить мне в жилы яд,
Когда, казалось, панцирь был не нужен? —

Вам – под фатой таить железо лат?

На выбор учителя: учащиеся читают 2–3 сонета из предложенных ниже.

Одиннадцатый чтец:

О вашей красоте в стихах молчу
И, чувствуя глубокое смущенье,
Хочу исправить это упущенье
И к первой встрече памятью лечу.
Но вижу – бремя мне не по плечу,
Тут не поможет все мое уменье,
И знает, что бессильно, вдохновенье,
И я его напрасно горячу.
Не раз преисполнялся я отваги,
Но звуки из груди не вырывались.
Кто я такой, чтоб взмыть в такую высь?
Не раз перо я подносил к бумаге
Но и рука, и разум мой сдавались
На первом слове. И опять сдались.

Двенадцатый чтец:

Я изнемог от безответных дум —
Про то, как мысль от души не изнеможет
О вас одной; как сердце биться может
Для вас одной; коль день мой столь угрюм
И жребий пуст – как жив я, как мой ум
Пленительной привычки не отложит
Мечтать о вас, а лира зовы множит,
Что брег морской – прибоя праздный шум.
И как мои не утомились ноги
Разыскивать следы любимых ног,
За грезой скитаясь вдоль дороги?
И как для вас я столько рифм сберег?
Которые затем порой не строги,
Что был Амур к поэту слишком строг.

Тринадцатый чтец:

Я лицезрел небесную печаль,
Грусть: ангела в единственном явлении.
То сон ли был? Но ангела мне жаль.
Иль облик чар? Но сладко умиление.
Затмили слезы двух светил хрусталь,
Светлейший солнца. Кротких уст моление,
Что вал сковать могло б и сдвинуть даль, —
Изнемогло, растаяло в томление.
Все – добродетель мудрость, нежность, боль —
В единую гармонию сомкнулось,

Какой земля не слышала дотоль.
И ближе небо, внемля ей, нагнулось;
И воздух был разнежен ею столь,
Что ни листка в ветвях не шелохнулось.

Четырнадцатый чтец:

О высший дар, бесценная свобода,
Я потерял тебя, и лишь тогда,
Прозрев, увидел, что любовь – беда,
Что мне страдать все больше год от года.
Для взгляда после твоего ухода
Ничто рассудка трезвого узда:
Глазам земная красота чужда,
Как чуждо все, что создала природа.
И слушать о других и речь вести
Не может быть невыносимей муки,
Одно лишь имя у меня в чести.
К любой другой заказаны пути
Для ног моих, и не могли бы руки
В стихах другую так превознести.

Пятнадцатый чтец:

Коль не любовь сей жар, какой недуг
Меня знобит? Коль он – любовь, то что же
Любовь? Добро ль?... Но эти муки, Боже!..
Так злой огонь?... А слабость этих мук,
На что ропщу, коль сам вступил в сей круг?
Коль им пленен, напрасны стоны. То же,
Что в жизни смерть – любовь. На боль похоже
Блаженство. «Страсть», «Страданье» – тот же звук.
Призвал ли я иль принял поневоле
Чужую власть?... Блуждает разум мой.
Я – утлый челн в стихийном произволе,
И кормщика над праздной нет кормой.
Чего хочу – с самим собой в расколе,
Не знаю. В зной – дрожу; горю зимой

Первый чтец:

Меж стройных жен, сияющих красою,
Она царит – одна во всей вселенной,
И пред ее улыбкой несравненной
Бледнеют все, как звезды пред зарею.
Амур как будто шепчет надо мною:
Она живет и жизнь зовут бесценной;
Она исчезнет – счастье жизни брэнной
И мощь мою навек возьмет с собой.

Как без луны и солнца свод небесный
Без ветра воздух, почва без растений,
Как человек безумный, бессловесный,
Как океан без рыб и без волнений,
Так будет все недвижно в мраке ночи,
Когда она навек закроет очи.

Второй ведущий:

Этот роковой момент настал спустя ровно 21 год со дня первой встречи 6 апреля. Жизнь Лауры унесла беспощадная чума. Все эти годы Петрарка пламенно любил эту женщину, хотя она и была замужем, и стала матерью 11 детей, и вообще они виделись всего несколько раз, обменявшись лишь мимолетными взглядами. Он любил духовной любовью, почитая даму своего сердца образцом совершенства и чистоты. Где бы он ни был, куда бы ни заносила его судьба, всюду преследовал его лик возлюбленной:

Ты смотришь на меня из темноты
Моих ночей, придя из дальней дали
Твои глаза еще прекрасней стали
Не исказила смерть твои черты.
Как счастлив я, что скрашиваешь ты,
Мой долгий век, исполненный печали!
<...>.

Первый ведущий:

<...>А я, без маяка, в скорлупе сырой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.
Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.
Второй ведущий:
Мне каждый день длинней тысячелетий
Без той, кого на землю не вернуть.

Но и в скорбные дни чувство к Лауре продолжало вдохновлять поэта на создание шедевров. Петрарка тщательно выбирал перо и, осторожно обмакнув его во флакон с черной, приготовленной из чернильных орешков краской, начинал писать. На желтый лист ложились ровные, круглые, с едва заметным наклоном вправо буквы. Он писал, будто произносил слова молитвы, вознося хвалу Всевышнему за то, что послал ему среди тысяч женщин одну-единственную, ставшую его вечной возлюбленной.

Благословен день, месяц, лето, час!
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

(Звучит музыка Вила-Лобоса: ария из бразильского бахиана)

Первый ведущий:

Вот уже на протяжении нескольких веков Шекспир остается для нас загадкой. Жизнь его известна мало. Нет ничего удивительного в том, что не сохранилось точных сведений о героине его сонетов – Смуглой леди. Биографы не раз пытались выяснить, кто она, но в большинстве случаев исходили из догадок. Возможно, это Мери Фиттон – придворная дама, фрейлина Елизаветы, а может быть, это Эмилия Ланье – жена придворного музыканта? Дама сердца Шекспира – дама от поэтической традиции: она вероломна, безжалостна в своей красе, порочна. Посвященные ей сонеты обжигают огнем живого чувства, и нет сомнения, что они – следствие личной драмы, поэтическая исповедь о неразделенной любви.

На выбор учителя: учащиеся читают 2–3 сонета из предложенных ниже.

Второй чтец:

Любовь слепа и нас лишает глаз.
Не вижу я того, что вижу ясно.
Я видел красоту, но каждый раз
Понять не мог, что дурно, что прекрасно.
И если взгляды сердце завели
И якорь бросили в такие воды,
Где многие проходят корабли, —
Зачем ему ты не даешь свободы?
Как сердцу моему проезжий двор
Казаться мог усадьбою счастливой?
Но все, что видел, отрицал мой взор,
Подкрашивая правдой облик лживый.
Правдивый свет мне заменила тьма
И ложь меня объяла, как чума.

Третий чтец:

Мои глаза в тебя не влюблены —
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.
Мой слух твоя не услаждает речь
Твой голос, взор и рук твоих касанье
Прельщая, не могли меня увлечь
На праздник слуха, зренья, осязанья.
И все же внешним чувствам не дано
Ни всем пяти, ни каждому отдельно —
Уверить сердце бедное одно,
Что это рабство для него смертельно,
В своем несчастье одному я рад,
Что ты – мой грех и ты – мой вечный ад.

Четвертый чтец:

Любовь – недуг. Моя душа больна
Томительной, неутомимой жаждой.
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды.

Мой разум – врач любовь мою лечил
Она отвергла травы и корни,
И бедный лекарь выбился из сил
И нас покинул, потеряв терпенье.
Отныне мой недуг неизлечим.
Душа ни в чем покоя не находит.
Покинутые разумом моим,
И чувства, и слова на воле бродят,
И долго мне, лишенному ума,
Казался раем ад, а светом – тьма!

Пятый чтец:

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.
С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.
Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.
И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

Второй ведущий:

Тайна сонетов Шекспира заключается в их необыкновенной наполненности человеческими чувствами. В этих 14 строчках перед нами предстает всего одна душа, переживающая радость и горе, добро и зло, жизнь и смерть, любовь и измену...

В образе героини шекспировских сонетов нет ни капли лжи. Она, как и сама жизнь, пусть не столь прекрасная, но желанная. В этом, вероятно, и заключена тайна сонета.

Эта женщина принесла поэту столько страданий, но, несмотря на это, оставалась обожаемой, страстно любимой, пленительной. Поэт, словно замороженный, готов был поклясться, что в целом свете нет никого прекрасней. Вслушайтесь, какое благородство, умение прощать звучит в его стихах.

На выбор учителя: учащиеся читают 1–2 сонета из предложенных ниже.

Шестой чтец:

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.
Пусть потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч, —
Ты исцелить мне раны не могла.

Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обиды.
Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои.

Седьмой чтец:

Ты погрусти, когда умрет поэт,

Покуда звон ближайший из церквей
Не возвестит, что этот низкий свет
Я променял на низкий мир червей.
И если перечтешь ты мой сонет,
Ты о руке остывшей не жалеи.
Я не хочу туманить нежный цвет
Очей любимых памятью своей.
Я не хочу, чтоб эхо этих строк
Меня напоминало вновь и вновь.
Пусть замрут в один и тот же срок
Мое дыханье и твоя любовь....
Я не хочу, чтобы своей тоской
Ты предала себя молве людской.

Восьмой чтец:

Скажи, что я уплатой пренебрег
За все добро, каким тебе обязан,
Что я забыл заветный твой порог,
С которым всеми узами я связан,
Что я не знал цены твоим часам,
Безжалостно чужим их отдавая,
Что позволял безвестным парусам
Себя нести от милого мне края.
Все преступления вольности моей
Ты положи с моей любовью рядом,
Представь на строгий суд твоих очей,
Но не казни меня смертельным взглядом.
Я виноват. Но вся моя вина
Покажет, как любовь твоя верна.

Девятый чтец:

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.
Любовь – над бурей поднятый маяк,
Немеркнущий во мраке и тумане,

Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.
Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.
А если я не прав и лжет мой стих —
То нет любви и нет стихов моих!

(Звучит сонет № 90 «Уж если ты разлюбишь...» – на английском языке)

Первый ведущий:

Перенеся огромное духовное потрясение, научившись жить с незаживающей раной в сердце, поэт находил силы смеяться над собой:

<...>
Вода потока стала горячей.
Она лечила многие недуги.
И я ходил купаться в тот ручей
Чтоб излечиться от любви к подруге.
Любовь нагрела воду – но вода
Любви не охлаждала никогда.

Второй ведущий:

Любовь и дружба, жизнь и смерть, добро и зло, истина и красота – все эти вечные темы нашли отражение в сонетах Шекспира, и в этом сам поэт видел залог бессмертия своих стихов.

На выбор учителя: учащиеся читают 1 сонет из предложенных ниже либо выдержки из них.

Десятый чтец:

Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.
Пускай они для украшения строф
Твердят в стихах, между собою споря,
О звездах неба, о венках цветов.
О драгоценностях земли и моря.
В любви и в славе – правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.
Я не хочу хвалить любовь мою, —
Я никому ее не продаю!

Одиннадцатый чтец:

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,

В их пурпуре живущий сокровенно.
Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей,
Они цветут, не радуя сердца,
И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец.
Их душу перельют в благоуханье.
Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих!

Двенадцатый чтец:

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.
Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма,
Бегущие столетия не сотрут.
Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.
Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

Тринадцатый чтец:

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест, —
Мне памятником будут эту строчки.
Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
Все, что во мне тебе принадлежало.
Пускай земле достанется мой прах,
Ты, потеряв меня, утратишь мало.
С тобою будет лучшее во мне.
А смерть возьмет от жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный.
Ей – черепки разбитого ковша,
Тебе – мое вино, моя душа.

Первый ведущий:

Так щедро дарит поэт читателям свою душу, и она живет в чудесных строчках, в наших сердцах, «исполненных любви», заставляя их биться сильнее, превращая Шекспира в «современника всех поколений».

Четырнадцатый чтец (стихотворение К. Бальмонта «Шекспир»):

Средь инструментов всех волшебней лира:
В пьянящий звон схватив текучий дым,
В столетьях мы мгновенья закрепим
И зеркало даем в стихе для мира.
И лучший час в живом веселье пира —
Когда поет певец, мечтой гоним, —
И есть такой, что вот мы вечно – с ним,
Пленясь звучным именем Шекспира.
Нагромоздив создания свои,
Как глыбы построений исполина,
Он взнес гнездо, которое орлино,
И показал все тайники змеи.
Гигант, чей дух – плавучая картина,
Ты – наш, чрез то, что здесь мы все – твои.

Второй ведущий:

Думается, тайна магии сонета состоит и в том, что его глубокий смысл человек может почувствовать только сердцем и душой. Возможно, проникнув в мир сонета, <...> читатель найдет ответы на многие вопросы и поймет, наконец, смысл этой суетной жизни.

Тайна сонета заключается не в умении слагать строчки, а в душе поэта. Автор страдает, горюет, радуется и восторгается, и обо всех его переживаниях нам рассказывает сонет. <...>

Сонет – это утешение для души. Когда мир окрашивается для тебя в темные краски, а в душе воцаряется печаль, тогда на помощь приходит сонет. Он играет колыбельную на струнах души, и печаль уступает место любви и свету.

Для поэта сонет – надежный друг, которому можно поведать о своих чувствах и мечтах, не боясь быть непонятым. <...>

Сонет воспевает самое высокое человеческое чувство – любовь. У Данте это любовь к божественной и недостижимой Беатриче, а у Шекспира – к вполне земной женщине. Тайна сонетов о любви заключается в самой любви и в тайне возлюбленной. <...> Образ Возлюбленной не бывает полностью ясен: что-то в нем должно дорисовать воображение. <...>. Она – вечная загадка, и какой она должна быть, знает лишь поэт, создавший ее для себя.

Сонеты могут быть посвящены и дружбе, дружбе благородной, чистой и верной. Наверное, поэтому сонеты способен понять всякий читатель – и старый, и молодой, и мудрый, и не очень. 14 строк – вот что делает сонет звонкой «песней птицы». Будь он короче, песня не получилась бы, будь длиннее – птица не поднялась бы в воздух.

«<...> Сонет – как жемчужное ожерелье, в котором каждая жемчужина имеет свое значение, это единая цепь, в которой без недостающего звена все рухнет. Каждая строчка сонета уносит нас в мир грез, мечтаний, любви, огорчений, надежд, разочарований – туда, где нет границ чувствам».

Первый ведущий (стихотворение К. Бальмонта «Хвала сонету»):

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменной твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта

Красавицы изысканно-простой.

А современник К. Бальмонта В. Брюсов видел в сонете «образы изменчивых фантазий, бегущие, как в небе облака», которые, «окаменев, живут потом века в отточенной и завершенной фразе». Может быть, именно в этой гармонии высокого чувства и совершенной формы и есть главная тайна сонета, секрет его прелести. Написанный много столетий назад, он точно так же волнует сердца и современных читателей.

3. «Если душа родилась крылатой...» (8 класс)

Цели ПРОВЕДЕНИЯ:

- 1) знакомство учащихся с представлениями поэтов XX в. о поэте, его мире, его предназначении на земле;
- 2) развитие у детей понимания того, что судьба истинного поэта схожа во все времена, в любую эпоху;
- 3) воспитание умения читать стихи, любви к родному слову.

ОФОРМЛЕНИЕ ВЕЧЕРА

За двумя столами располагаются учащиеся, представляющие поэтов начала и конца XX в. Стол поэтов серебряного века оформляется в стиле той эпохи (лампа с абажуром, свечи в подсвечниках, рядом на стене – их портреты). Около стола современных авторов стоит гитара, на стене – плакаты групп «Август», «Крематорий», портреты В. Высоцкого, известных бардов). Между ними находятся ведущие.

Для большей заинтересованности и придания вечеру элементов театрализации учитель может предложить ученикам в качестве самостоятельной работы наделив своего героя-поэта присущими ему узнаваемыми чертами (например, челка и шаль у А. Ахматовой, рубаха с широким воротом у С. Есенина и т. п.), постараться воспроизвести манеру чтения собственных стихов автором.

Роль ведущих в данном случае должна быть сведена к минимуму, они становятся связующим звеном между двумя эпохами.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- 1) первый ведущий;
- 2) второй ведущий;
- 3) М. Цветаева
- 4) Н. Гумилев
- 5) А. Ахматова
- 6) И. Анненский
- 7) С. Есенин
- 8) О. Мандельштам
- 9) В. Хлебников
- 10) И. Северянин
- 11) В. Высоцкий
- 12) А. Башлачев
- 13) К. Кинчев
- 14) В. Тругубов
- 15) С. Рыженко
- 16) В. Шахрин

ХОД ВЕЧЕРА

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

Б. Пастернак

(эпиграф пишется на доске или на отдельном плакате)

Первый ведущий:

Строки Б. Пастернака – эпиграф к нашему сегодняшнему разговору – разговору о поэте.
Поэт... Кто он? Чем он живет? Каков его мир? О чем его боль?..

М. Цветаева (стихотворение «Поэт»):

Поэт – издалеку заводит речь.
Поэта – далеко заводит речь.

Планетами, приметами... окольных
Притч рытвинами. Между «да» и «нет»
Он – даже размахнувшись с колокольни —
Крюк выморочит... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности – вот связь его! Кверх лбом —
Отчаяться! Поэтовы затмения
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто спрашивает с парты,
Кто Канта наголову бьет.

Кто в каменном гробу Бастилий —
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы – всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают:
Ибо путь комет —

Поэтов путь: жгя, а не согревая,
Рвя, а не возвращая – взрыв и взлом, —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

Н. Гумилев (стихотворение «Кредо»):

Откуда я пришел, не знаю...

Не знаю я, куда уйду,
Когда победой отблстаю
В моем сверкающем саду.
<...>

Мне все открыто в этом мире —
И ночи тень, и солнца свет,
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет

Я не ищу больного знания,
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду.
<...>

Всегда живет, всегда могучий,
Влюбленный в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий
Над царством вечной пустоты.

Второй ведущий:

«Поэзия – это жертвоприношение словом...» – писал литературовед Ю. А. Шилов. Можно сомневаться в том, что это так. Можно думать, что стихи – это красноречие, общие места и закругленные срифмованные фразы. Но...

(стихотворение Б. Пастернака «О, знал бы я, что так бывает...»):

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство
И дышат почва и судьба.

А. Ахматова (стихотворение «Нам свежесть слов и чувства простоту»):

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу зренье,
Или актеру – голос и движенье,
А женщине прекрасной – красоту?

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены – и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.

И. Анненский (стихотворение «Третий мучительный сонет»):

Нет, им не суждены краса и просветленье;
Я повторяю их на память в полусне,
Они – минуты праздного томленья,

Перегоревшие на медленном огне.
<...>
Кто знает, сколько раз без этого запоя,
Труда кошмарного над грудой листов,
Я духом пасть, увы! Я плакать был готов,
Среди неравного изнемогая боя;
Но я люблю стихи – и чувства нет святей:
Так любит только мать, и лишь больных детей.

А. Ахматова (стихотворение «Муза»):

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гугу.

(Звучит музыка. М. Дунаевский. Увертюра)

Первый ведущий:

Анна Ахматова, Б. Пастернак, И. Анненский, А. Блок... Удивительно единодушны эти разные, совсем разные поэты в своем ощущении творческого процесса. Рождение стихотворения всегда мучительно, всегда сопряжено с болью. Иначе, наверное, и быть не может: ведь в своем творчестве поэт обнажает душу. Он не может быть неискренним – в первую очередь от своей неискренности задохнется он сам.

С. Есенин (стихотворение «Быть поэтом – это значит то же...»):

Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом – значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней,
Соловей поет – ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.
<...>

(Звучит романс С. Беляева на стихи С. Есенина «Мне осталась одна забава...» в исполнении А. Малинина.)

Второй ведущий:

«Если черти в душе гнездились, значит, ангелы жили в ней», – эта поэтическая формула противоречива лишь с точки зрения привычной логики. Мир поэта алогичен, это мир чувств – сильных, смелых, открытых, часто неприглаженных, и этой своей неприглаженностью проти-

воречащих привычным представлениям и нормам. Наверное, поэтому, в стихах, даже если они не откровенно оппозиционны, порой слышится вызов обывательской морали, обывательскому суду, который обычно не медлит с приговором.

О. Мандельштам (стихотворение «Это какая улица?»):

Это какая улица?
Улица Мандельштама,
Что за фамилия чертова?
Как ее ни вывертывай —
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного,
Нрава он был нелинейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма,
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

Первый ведущий:

Поэт – это не только иное мироощущение, это – крест: все видеть и все чувствовать. Это невозможность солгать, невозможность закрыть глаза и сказать себе: «Все хорошо»; поэт – это судьба, исключая компромисс с фальшью.

В. Высоцкий (стихотворение «Мне судьба»):

Мне судьба – до последней черты, до креста,
Спорить до хрипоты, а за ней – немота,
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, и не тот, и не та.

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И веселый манер, на котором шучу...
<...>

(На выбор учителя: звучит песня В. Высоцкого «Натянутый канат» или «Мой микрофон»)

Второй ведущий:

Во все времена в творчестве разных поэтов мы находим тревожное, а подчас и трагическое мироощущение. Казалось бы, наделенный даром Божиим равен Богу. На деле же... Поэт чувствует себя пасынком в этом мире, чужим, а порой и ненужным, лишним. Мир не приемлет поэтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.